



Олег Зеленцов

# Падение с небес

18+

Олег Зеленцов  
**Падение с небес**

«Автор»

2023

**Зеленцов О.**

Падение с небес / О. Зеленцов — «Автор», 2023

Однажды, в одной далекой галактике... произошли события, отдаленно напоминающие другую историю, случившуюся уже в нашей.

© Зеленцов О., 2023

© Автор, 2023

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая. Эльден              | 5  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Олег Зеленцов

## Падение с небес

### Глава первая. Эльден

Эммануэль зачарованно смотрела на проплывающий мимо желтовато-коричневый шар огромной планеты, окруженный удивительной красоты кольцами.

– Невероятно выглядит, да, Эмми? – улыбнулся отец, стоящий рядом с ней у большой стены зала, выполненной из цельного стекла. Вид, действительно, был зачаровывающий.

«Змей» приближался к небольшой желтой звезде – конечной цели их долгого путешествия. К моменту входа в систему звезды интеллект корабля вывел экипаж из стазиса, а пилоты по приказу ее отца проложили курс так, чтобы осмотреть поочередно все планеты.

– Пойдем обедать, – сказал отец, когда планета, наконец, уплыла вдаль, став вместо громадного шара размером с теннисный мячик.

Вдруг ожили динамики: «Говорит мастер-пилот. Пришел ответ на наш запрос. Нас приглашают в гости. Энки, сэр, прошу вас зайти на мостик».

– Иди в столовую, Эмми, я сейчас в рубку зайду и вернусь к тебе.

\*\*\*

Окруженный фонтанами и бассейнами роскошный дворец скрылся за деревьями – теперь они с отцом и его другом Шином шли по узкой тенистой аллее, выложенной мозаичной плиткой, со стоящими тут и там скамейками из розового мрамора.

– Невероятно красивая планета, правда, Энки? – спросил Шин.

Ее отец согласно кивнул.

– А эти гигантские деревья! – в восхищении покачала головой Эммануэль, – как такое вообще возможно? И как они светятся ночью!

– Кремниевая форма жизни... Да, удивительно! У нас такого нет. Размеры, и правда, потрясают. Эти облака, проплывающие сквозь ветви дерева... А свечение на шишках уже не их собственное, это электростатика – за счет перепада высот в атмосфере.

– Энлиль сказал, что они добирались сюда триста восемьдесят лет. Почему они так долго летели? Мы же за сорок семь долетели?

– Это была шестая по счету звезда из восьми, намеченных их астрономами. Планеты у предыдущих пяти оказались или совсем непригодны для жизни, или не слишком комфортны. Эта, как видишь, тоже не вполне – атмосфера для нас слишком плотная, дышится тяжело – поэтому они и предпочитают жить повыше, в горах. Но увидев такую красоту, дальше они уже не полетели – что и неудивительно. Найти такое – большая удача. Этот Энлиль сотоварищи тот еще везунчик. Хотя они рисковали, сорвавшись вот так, в никуда почти что, из-за той дурацкой ссоры с патриархами... Но, как видишь, последние полторы тысячи лет они времени не теряли. Я много говорил с Энлилем – я же инженер, мне интересно... У них уже сотни таких комплексов, как этот, где мы сейчас. По всей планете – в горах, у океанских пляжей, и скоро будут даже и на этих Деревьях – висячие сады хотят сделать...

– А сколько мы тут пробудем?

– Энлиль приглашает на любой срок или даже вообще остаться здесь. Выделяет нашему экипажу аналогичный этому жилой комплекс – по сути, там каждому из нас по небольшой вилле, плюс общий дворец для всех, как и здесь. Он очень гостеприимен, что, впрочем, и

неудивительно – мы первые, кто к ним прилетел из Конфедерации, после той ссоры. Я сам не знал, как он отреагирует. Назад бы сразу не отослал, конечно – мы же гости, но мог принять с чисто формальной вежливостью. Тогда – отдохнули бы несколько месяцев, тоже из вежливости, и все. Но он и все остальные явно очень нам рады. Мы могли бы здесь пожить и долго, но у меня дела, много дел, поэтому – года два-три, и назад. Попутешествуем, посмотрим планету, фауна здесь тоже, сама видишь, какая необычная – эти гигантские рептилии! И одновременно – млекопитающие тоже есть. Необычно.

– Эх, – вздохнула Эмми, – я надеялась, хотя бы лет на двадцать. Такая планета... Когда еще второй раз выберемся. С твоими-то делами, папа, – усмехнулась она.

– Говорю же, я не против, но тут вопрос... не только в моих обычных делах. Дела бы, и правда, подождали... Ты новости читала, перед отлетом?

– Ты про те пропавшие корабли?

– Именно. С одной экспедицией еще могло что-то случиться, хотя ума не приложу, что – я тебе рассказывал про уровень надежности техники для дальних экспедиций, плюс, всегда в такой экспедиции не меньше двух кораблей. Вдруг с одним, все же, что-то случится. И оба пропали? Ну допустим даже... Но вторая пропавшая экспедиция, спасательная, из шести – причем уже боевых кораблей?! Пять эсминцев и крейсер, Эмми! Крайний допустимый срок их возврата прошел незадолго до нашего вылета. Они могли принять решение на продолжение поисков сверх оговоренного срока, но обязаны были прислать зонд с известием, и далее каждый год по зонду, таков порядок. Вот как мы, достигнув этой звезды, выслали зонд и, получив приглашение в гости – сразу же еще один. Чтобы наши, если что, были в курсе. А тут ни их самих, ни зондов... Эмми, я не верю в такие совпадения.

– Думаешь, мы столкнулись с враждебной расой?

– Думаю. По крайней мере, никаких других идей мне в голову не приходит. И другие патриархи думают так же. И ученые наши так же думают – что еще могло случиться, сама подумай? Теперь же, был отправлен целый флот зондов, как поисковые, с телескопами и прочей аппаратурой, так и боевые корабли. И следом за ним, с шагом в четверть светового года – чтобы не попасть в новую ловушку – еще одна экспедиция, и на этот раз там полноценная эскадра. В ее составе есть даже линкор. А для линкора, Эмми, вот такая планета, как эта – что бумажная мишень для пистолета.

– Но ты же не военный? При чем тут ты? Ты проектируешь эти линкоры, а не воюешь на них.

– Не военный. Но я инженер, и я буду теперь строить новые линкоры, лучше нынешнего поколения. Я полетел сюда только потому, что результаты экспедиции станут известны ненамного раньше нашего возвращения. Сейчас у нас экстренно увеличивается флот, и дополнительно я запустил программу расширения производственных мощностей. Но полетел сюда, все же – это моя давняя мечта, узнать, как дела у них, на фронтире, так сказать... Ты знаешь, я был на всех планетах Конфедерации, а на этой до сих пор лишь мечтал побывать. Пока наши парни сами справятся с наращиванием мощностей, а когда вернемся, займусь проектированием. И там я уже буду нужен... Ладно, вернемся к делам текущим. Энлилль предлагает этот год пожить здесь, у него: обещает стать нам гидом по планете. А следующие два года мы будем жить отдельно, в нашем гостевом комплексе. Кстати, – он с легкой усмешкой посмотрел на дочь, – мне показалось, что ты ему понравилась.

– У него же есть жена, – смутилась Эммануэль, слегка покраснев.

– Она ему не жена, просто очередная девушка. Закоренелый холостяк, всегда таким был, сколько его помню. Мы не близки, но знакомы были хорошо. Он как будто бы с тех пор несколько изменился... Хотя и неудивительно – он же теперь правитель целой планеты!

\*\*\*

– Эммануэль, с позволения твоего отца, прогуляешься со мной? – Энлиль подошел к ним, держа за поводок очень крупного пса – поджарого, длинноногого, с короткой черной шерстью в белых пятнах.

– Конечно, – улыбнулась Эмми, кивнув отцу.

Пес при виде их напрягся и покосился на хозяина.

– Друг! – сказал ему тот и вежливо дотронулся до плеча Энки, а затем и до плеча Эмми. – Друг!

Пес сразу же успокоился, подошел к ним и поочередно, осторожно, обоих обнюхал.

– Не бойся, он очень хорошо обучен. Теперь, если что, он всегда будет тебя защищать, – улыбнулся Энлиль. – Можешь его погладить.

Эмми, с опаской протянув руку, погладила собаку по холке.

– Я не очень люблю собак, мне кошки нравятся. У нас три в доме!

– Очень естественно для девушки, – Энлиль снова улыбнулся. Он вежливо подал ей руку, и они вдвоем пошли по аллее. – А мне нравятся псы. Кстати, эту породу собственноручно вывел Нергал, мой сын. Ну, точнее, наши генетики вывели, но по заказу и при его непосредственном участии – именно он дизайнер этой породы. Когда у него все получилось, самый лучший экземпляр он подарил мне.

– Моему отцу тоже больше нравятся кошки. Точнее, коты. Он мне говорил, что если бы выбирал семейный герб, то на нем был бы изображен кот. Но он все же использует старый фамильный герб, доставшийся ему от отца – тот ему тоже нравится.

– Ты боишься собак? Конечно, они могут быть опасны, для посторонних, но поверь – нет более преданного друга, чем собака. Я взял этого еще щенком, и надежнее его сторожа нет. А коты... Твой отец по-своему прав – коты гуляют сами по себе, – он усмехнулся. – Неплохой герб для мужчины и для рода. Не стану спорить. Хотя, я бы тогда уж выбрал льва. А, например, Нинурта, мой внук, однажды попросил меня дать ему разрешения на свой собственный герб – я дал, конечно, он этого заслуживает, более чем... И он выбрал себе орла, как и у меня. Но, орла с двумя головами! Двухголового.

– С двумя?! Как это? – изумилась Эмми.

– Ну, он же у нас главный по боевой авиации, и в кабине истребителя у него всегда по два пилота. Собственно пилот, и наводчик для оружия. Он же это сам и придумал, что в кабине нужны двое. До того, у нас в истребителях был один пилот. Но два – эффективнее. Один пилотирует, второй наводчик, он стреляет. Нинурта сам – прирожденный пилот, и прирожденный же воин. А еще у него, как видишь, хорошее чувство юмора.

– Да уж, оригинальный герб, – рассмеялась Эмми, покачав головой. – А про собак... Я знаю, конечно, что своей собаке хозяин всегда может доверять, но если я для собаки хозяин, значит она – как бы мой раб. Мне не нравится такое ощущение. Не хочу быть кому-то хозяином.

– Это тебе так кажется. Для собаки это не так – она считает тебя и твою семью членами одной стаи, просто ты для нее старшая, «альфа». А она – «бета». А все другие члены семьи – тоже «беты», ну либо «гаммы». Но она всегда будет защищать всех, всю свою стаю.

Эмми ненадолго задумалась.

– Если бы ты не знакомил меня со своей собакой, а показал бы ей на меня и сказал бы «фас!» – она бы меня на меня напала?

– Да. Я для нее старший, я «альфа», и мой приказ для нее – закон.

– Значит, она все же раб, если исполняет твои приказы, не принимая решения самостоятельно и по своему разумению. Кот, или кошка, принимают решения сами, я для своего кота – не хозяйка, а друг. Собака – не друг, а раб.

Энлиль, в свою очередь, задумался. Потом посмотрел на нее:

– Эмми, можно я сделаю тебе комплимент? Ты не только очень красива, но еще и умна. Такое сочетание нечасто бывает. Даже что-то одно из этого – и то бывает нечасто. А тебе всего двадцать пять, ты даже совершеннолетней еще не считаешься... Но с тобой уже интересно поговорить – даже мне, патриарху целого рода. У меня уже почти двадцать тысяч потомков, и поверь, я знаю, что говорю.

Эмми опустила глаза, улыбнувшись и слегка покраснев. Они, как тогда с отцом, неторопливо шли мимо цветущих кустов, которыми была усажена узкая аллея. В глубине рощи виднелись разнообразные плодовые деревья – невероятная для нее экзотика: она еще не бывала на других планетах, и теперь, выходя на прогулки, с удовольствием пробовала здешние фрукты.

– Чем ты занимаешься у себя на планете?

– Я недавно окончила Институт Изучения Души, хочу и дальше там работать. Это очень интересно!

– Да, пожалуй, – серьезно кивнул Энлиль, снова с интересом покосившись на нее. – А ты уже умеешь выходить из тела?

– Пока только с помощью приборов, сама не умею – для этого надо долго тренироваться...

Тот снова кивнул:

– Я умею, но я этому учился десятки лет, у хорошего специалиста. Значит, ты по научной части, как и твоя мать... Кстати! – он хлопнул себя по лбу и посмотрел на Эмми, – а хочешь, я тебе кое-что покажу? Мы тут тоже немного в науку умеем, – улыбнулся он. – Только не удивляйся, это очень необычно... Слетаем?

– Давай, конечно! – улыбнулась Эмми в ответ.

Энлиль достал из заднего кармана джинсов коммуникатор, дважды ткнул пальцем в экран, и минуту спустя рядом с ними приземлился небольшой флаер – изящной формы «тарелка» золотистого цвета. Плавно откинулась аппарель, и они, войдя, оказались в уютном салоне, с кремового цвета креслами и люющим с потолка золотистым же освещением. Отдельных иллюминаторов не было – по кругу шло сплошное цельное окно, причем снаружи этого не было видно, снаружи диск выглядел целиком золотым. «Эльден» – произнес ее спутник, прижав пальцем кнопку на экране перед креслом, и флаер с неощутимым телу ускорением рванулся вверх и в сторону, за пару секунд достигнув облаков, и дальше уже полетел над ними. Круговой иллюминатор автоматически потемнел со стороны солнца, приглушая его слишком яркий свет. Вдалеке, слегка возвышаясь над облаками, проплыла крона гигантского дерева. Спустя примерно полчаса, автопилот повел флаер на посадку. Они приближались к невысокой горе, своим видом напоминающей отдельно стоящий холм, огороженный у подножия высоким забором из белого камня – с очень красивым, хотя и совсем небольшим, жилым комплексом на плоской вершине. Единственное здание – из белого же камня, с колоннами по периметру, выстроенное в виде полукруга, окаймляющего большой открытый бассейн. Выглядело оно, как небольшая уютная вилла – такой бы самое место на берегу какого-нибудь теплого моря. В бассейне Эмми заметила фигурки двоих купающихся. Все остальное место на холме занимал сад, в котором отдельные рощицы были разделены такими же, мощеными разноцветной мозаикой дорожками, как и во дворце Энлиля, где они жили.

– Это Эльден, – Энлиль обвел рукой цветущий сад, когда они вышли из флаера на посадочной площадке, – одна из наших научных баз. Конкретно эта база посвящена тому самому эксперименту, который я тебе хочу продемонстрировать. Еще раз прошу не удивляться! – снова улыбнулся он. – Пойдем!

Из бассейна до них долетел веселый смех. Подойдя ближе, Эмми увидела парня с девушкой. Энлиль подвел ее к бассейну, а парень с девушкой, не сразу было заметив их, наконец все же обратили внимание на гостей и вылезли из бассейна – сначала ловко и сильно выпрыг-

нул через край парень, а затем он подал руку девушке, помогая ей выбраться. Улыбаясь, они пошли им навстречу, держась за руки. Оба были совершенно голые, и при этом явно не испытывали никакого смущения. Девушка выглядела лет на шестнадцать, а парень воспринимался чуть старше и вел себя увереннее. Кожа у них была непривычно смуглой, и это не было похоже на простой загар. Подойдя к ним, оба вежливо поклонились.

– Мадин, Жива, познакомьтесь – это Эммануэль, – представил ее Энлиль.

– Привет, Мадин, привет, Жива, – поздоровалась Эмми, изрядно при этом смущаясь их обнаженного вида.

Те поздоровались в ответ, причем парень глядел на нее добродушно и с каким-то почтительным, как ей показалось, интересом, а вот девушка – с откровенным любопытством, как на нечто диковинное.

– Эммануэль прилетела к нам с другой звезды, – Энлиль показал рукой на небо.

– С другой звезды? – изумился Мадин. – Как вы все, когда-то очень давно?

– Да, именно так. Притом с той же звезды, что и мы – так что она, для меня и для нас для всех, дальний родственник. О, чуть не забыл! Я же вам обещал привезти тех вкусняшек... Погодите, они у меня во флаере лежат, – он снова нажал на коммуникатор, и флаер, плавно поднявшись с парковки, пролетел над деревьями, подлетел к ним и повис на небольшой высоте рядом с бассейном. Энлиль зашел внутрь и вскоре вышел с несколькими разноцветными плоскими коробками.

– Не ешьте все сразу, это вредно! И не держите на солнце, а то растают.

– Спасибо, Энлиль!

– Угощайтесь! Ладно, мы полетели. Как вы тут, у вас все есть, все нормально?

– Да, у нас все хорошо, – улыбнулся парень, изобразив легкий поклон.

– Ну, давайте, пока! Прилечу через пару недель. Еще привезу, – подмигнул Энлиль девушке, которая зачарованно смотрела на конфетные коробки.

Они снова уселись во флаер, и тот полетел назад, разве что в этот раз гораздо медленнее и ниже облаков. Энлиль, не дожидаясь от нее вопросов, стал рассказывать сам.

– Мы создали расу, оптимально подходящую под условия этой планеты. Наши собственные гены, плюс толика генов местной фауны, плюс талант наших генетиков. Как видишь, они почти неотличимы от нас, разве что цветом кожи. Как ты, наверное, знаешь, мы изначально предполагали колонизацию, если найдем подходящую планету – благо, наши астрономы подобрали целых восемь потенциально пригодных. На этой, шестой по счету, нам наконец-то повезло. Мы летели всем моим кланом, нас тогда было около десяти тысяч – теперь, как ты знаешь, уже больше. Мы изначально предполагали генную модификацию растений и животных под наши нужды, поэтому оборудование и специалисты у нас были, пусть и не самого высшего разряда, но все же очень хорошие. И, тем не менее, это оказалось очень сложно...

– А зачем они вам?

– Во-первых, просто интересно создать свой разумный вид. Растениями мы занимаемся, животными занимаемся – выводим подходящие породы ради продовольствия. Но интерес не главное, конечно. Основная цель – создать вид со специализированным предназначением.

– Специализированным?

– Именно так, Эмми. Прости, можно мне тебя так называть?

– Да, конечно, – улыбнулась она.

– Тогда я для тебя Эль, – улыбнулся он в ответ. – Так вот, ты видела наши сады и дворцы? Много ведь уже где побывала? Как они тебе?

– Очень красиво, – искренне ответила Эмми.

– Самой большой красоты ты еще не видела, но скоро уже будет готово, и я тебе с твоим отцом покажу... Так вот, все это требует ухода. И не только сады, разумеется. Сельское хозяйство, животноводство, иные простые, но тяжелые порой работы. И видишь ли, Эмми... Вот, например, ты сама – ты ведь хочешь быть ученым, так?

Эмми кивнула.

– А я – скорее военный, я стратег по призванию. Твой отец – талантливый инженер и опытный администратор. Кто-то хочет быть пилотом, как Нинурта, его призвание – водить боевые корабли и командовать эскадрами таких кораблей. Кто-то по призванию астроном, кто-то генетик, кто-то зоолог, кто-то писатель или поэт, кто-то архитектор. Кто-то хочет заниматься программированием, писать код. И так далее. Но есть одна проблема, Эмми. Мы ее очень остро почувствовали именно здесь – ведь мы всего лишь малочисленная пока колония, и наши технические возможности ограничены, а этот мир был еще не благоустроен, как наш родной, нам пришлось начинать все буквально с нуля. Проблема в том, что не всем нам так можно – быть учеными или летать в космос. Потому что кто-то должен, например, разводить животных в хлеву и убирать за ними навоз. Кто-то должен лопатой копать землю, чтобы посадить цветы. Кто-то должен пахать землю и сеять зерно. Кто-то должен работать в шахтах и добывать руду. А никто не хочет этого, понимаешь? Я могу тебя познакомить с кем-нибудь из младших членов нашего рода, которым приходится этим всем заниматься. Скажи такому, что ты будешь ученым, и ты увидишь в глазах тех, кто работает в поле, в хлеву, в шахте – зависть. Черную зависть, Эмми. Не злость на тебя – не в этом смысле, конечно, ты же видишь, здесь все вам очень рады. Энки первый, кто посетил нас за все это время... Но – страшную зависть. Ты знаешь, что моей девушке приходится самой стирать нашу одежду? А я, чтобы разделить с ней такой труд, поначалу сам мыл посуду... Позже, увидев меня за этим занятием, одна из наших младших упростила меня, и теперь она за нами обоими моет... Не вручную, и стирка, конечно, тоже не вручную, автоматами, но все равно – белье, например, может постирать автомат, но его же надо потом развешивать на просушку... Да, самые младшие знают, что однажды у них родятся дети и они поднимутся на ступеньку выше... лет через пятьсот, если повезет. Сколько твой отец ждал своего первого ребенка?

– Восемьсот шестнадцать, – смутилась Эмми.

– Вот... Я ждал своего первого, Нергала, всего лишь триста пятьдесят шесть, и мне тогда завидовали все мои друзья и знакомые. А ведь у человека может родиться дочь, а ее в шахту или в хлев не отправишь... Так вот, Эмми, я люблю своих детей. Всех, и самых младших в роду не меньше, чем старших. Однажды, в самом начале, увидев, каково им приходится – причем, из-за меня в том числе, ведь это я предложил своему клану покинуть родную планету – однажды я сам целый год отработал в шахте. Ты не представляешь, Эмми, что это такое – год в шахте! – Энлилль внимательно посмотрел на нее. – Не представляешь, – он покачал головой. – Я теперь представляю. А ты знаешь, что некоторые из тех, кто работал в шахтах, умерли?

– Как это – умерли?! – с ужасом в глазах переспросила Эмми.

– Да, – кивнул он, – восемнадцать наших младших. Восемнадцать моих потомков умерли, Эмми! И я чувствую свою вину в этом. Хотя я и не виноват напрямую, у нас нет иного выбора, мы колонисты и с этим связаны подобные риски и издержки. Мы старались, как могли, облегчить их труд, они работали сменами по четыре дня в неделю, и каждый год ротация – второй год на менее тяжелой работе. Но все равно... Семнадцать из них погибли в шахтах при обрушениях, а один... просто умер, не выдержал. Ты знаешь, какая здесь тяжелая для нас атмосфера, особенно там, внизу, на равнине. Плюс тяжкий и монотонный труд, он убивает психологически. Попробуй быть приговоренной к шахте на тысячи лет... Тут и с ума сойти можно, а можно и вот так... просто умереть. Те семнадцать – это, хотя бы, были несчастные случаи, такое бывает, никто не застрахован... Но тут! Когда были похороны этого парня, ко мне подошла его мать, а она хотя сама и не из моего рода, но ее-то сын был из моего, он мой потомок

через его отца. Эмми! Она ничего мне не могла сказать, я же патриарх, а она из самых младших и из чужого рода. Она просто посмотрела мне в глаза. Эмми! Мне хватило взгляда этой женщины, поверь! И я поклялся про себя, что если смогу что-то сделать, то сделаю! Я воин по призванию, и в этот момент я вышел на свою войну.

Эмми долго молчала, пытаясь осознать услышанное.

– Почему вы не попросите помощи? – наконец спросила она. – Вам лететь до нас не слишком далеко. Ну, поссорились, ну бывает. Но вам дадут технику. Клан моего отца – даст, наша планета – даст, я уверена. Думаю, что никто из патриархов не откажется, узнав о вашей ситуации. Вы можете помириться! Прошло много лет, какие уже обиды? Ты же видишь – мой отец прилетел к вам! И вы нас принимаете так хорошо... Энлиль, я поговорю с отцом, но думаю, ты и сам понимаешь – вам дадут любую технику! Да, наверное, работать на экскаваторе или комбайне все равно не самый приятный труд – но никто не будет больше умирать!

– У нас есть техника, и немало – мы же и планировали колонизацию. Но не всегда и не везде можно техникой. И тут дело не только в смертях, и бессмертные иногда гибнут, а в том, что кто-то всегда будет гулять по аллеям мимо цветочных клумб, а кто-то будет поливать их из лейки и вносить удобрения, которые тоже не экскаватором кладутся, а лопатой. Понимаешь? И руду тоже не всегда можно экскаватором...

Эмми снова замолчала.

– Эмми, мы с тобой – раса бессмертных, мы единственная разумная раса в Галактике, из известных нам на данный момент. Мы можем иногда гибнуть, бывают ситуации... В конце концов, вот мой внук Нинурта – он, как и я, воин, и он всегда знал, что если вдруг однажды мы столкнемся в Галактике с противником, то он будет рисковать жизнью на фронте, а не трудиться в безопасном тылу. Но то, что происходит – это не только крайне тяжело, это еще и унижительно! Я оплакивал тех семнадцать погибших, но окончательно я для себя все понял, когда умер тот, восемнадцатый. Не погиб! А умер, Эмми!

– Но мы бы вам помогли! Не только мы, вся Конфедерация, вам достаточно попросить... Я уверена, и ты можешь спросить моего отца! Вы же нас принимаете здесь, как гостей, на вашей планете – неужели мы не поможем вам?!

– Эмми, прости за вопрос, но напомни – сколько тебе лет?

– Двадцать пять, – смущенно ответила она.

– Эмми, не стесняйся. Я тоже помню себя в двадцать пять. Мне тогда казалось, что все вопросы решаются либо смелостью, либо усилием. Увы, но это не так. Точнее, не всегда так.

– А как тогда решаются вопросы?

– Некоторые вопросы так и решаются. Но некоторые – нет. Некоторые вопросы требуют логики. Мышления. Открытия, изобретения. Кому не знать это, как не дочери твоего отца? Ты права, попросить можно. Хотя мы и не будем – мы порвали почти со всеми патриархами нашей родной планеты. Попросить можно, но есть два «но». Первое: любая помощь – это в долг.

– Вам не в долг будут давать! Вам помогут! – горячо возразила Эмми. – Патриархи выделяют вам столько, сколько надо, и никогда не спросят с вас за это! И не только патриархи, но и мы все! И я, и мой папа, все! Даже просто так помогли бы, а тем более в такой ситуации! Когда ваши умирают!

– Эмми, есть юридическое понятие долга. А есть моральное. Да, вы никогда не спросите с нас ничего за поставленную технику или иную помощь. Как я никогда не спрошу с тебя и твоего отца за то, что я угостил вас вином в своем доме. Но если вы однажды помогли нам, значит, мы потом не сможем отказать вам. Эта планета прекрасна, и если десять миллионов твоих, например, соотечественников захотят к нам переселиться и спросят, можно ли – то мы уже не посмеем отказать. Ведь они нам помогли в трудную минуту. Эмми, я принял тебя с твоим отцом и с вашим экипажем в своем доме. Я пригласил вас оставаться столько, сколько вы захотите, и я сделал это искренне, как для гостей. Не вы мне дарите подарки, нет, я дарю вам,

как хозяин дорогим гостям. Но если я однажды прилечу на вашу планету, вы сможете отказать мне в гостеприимстве? Даже если не захотите почему-то, сможете? Например, условно, если мы поссоримся с твоим отцом, сможет он мне отказать? Ну, Эмми, ответь? Или все же это риторический вопрос?

– Мы не сможем отказать, я поняла тебя. И мой отец будет только рад тебя принять, как и ты сейчас принимаешь нас. Но почему ты против того, чтобы к вам переселились? Ты же сам приглашал нас остаться здесь, мне говорил отец.

– Приглашал. Но это моя воля, я вправе пригласить, я вправе отказать. А так я буду уже не в своей воле. Вас я приглашаю, твой отец все верно тебе сказал. Такого, как твой отец, еще поискать – у нас есть инженеры, и немало, но у него совсем иной масштаб. И тебя я приглашаю, и отца твоего, и весь ваш экипаж. Вы с отцом чем-то похожи на нас – тоже, между прочим, рванули куда-то, не зная, что тут и как вас примут даже. Может быть, и кого-то еще приглашу потом. Но, Эмми, это я вас приглашаю, на свою планету. На свою! А если сюда приедут миллионы, другие кланы, а тем более патриархи, зная, что мы перед ними в моральном долгу – она будет уже не моя. И не наша. Эмми, мы огромной ценой добыли эту планету. Мы летели почти в никуда! Всем родом! И теперь здесь все наше. Вся планета, по всем законам Конфедерации, наша. И все, что на ней, наше. Мы не будем просить о помощи, мы справимся сами – как мы с самого начала и хотели. И это не только мое мнение – мы все так думаем. И старшие, и младшие. И второе "но" – повторяю, есть масса грубых и физически тяжелых работ, которые не автоматизируешь.

Эмми долгое время задумчиво молчала, глядя в иллюминатор на проплывающий мимо пейзаж. Пес Энлиля вдруг встал, подошел к ней и, посмотрев ей в глаза, положил голову к ней на колени. Она улыбнулась, и Энлиль тоже.

– А эти двое? Мадин и Жива? Тоже ваши, они тоже ваша собственность, как и планета?

– Именно так, – серьезно кивнул Энлиль. – Ты правильно все поняла. Я не собираюсь тебе врать, Эмми. В том числе, поэтому в них есть доля генов от здешней фауны. Мы не могли просто их зачать от себя – в этом случае, они были бы наши сыновья и дочери. Но мы могли бы, полагаю, создать генетический код с нуля, по нашему усмотрению. Было бы несоизмеримо дольше и сложнее, но полагаю, мы бы справились. Однако, планета юридически наша, и все, что от нее происходит, все наше. И мы взяли, в дополнение к нашим, гены местного животного – не только ради адаптивности к здешнему климату, нет. В первую очередь для того, чтобы они принадлежали нам не только по праву создателей, но еще и по праву владельцев планеты – владельцев всего, что на ней живет. Взяли, так сказать, от планеты, от земли. От нашей планеты!

– И вы хотите, чтобы они взамен вас работали в поле и в шахтах?

– Да.

– Это нечестно.

– Почему?

– Они разумные. Я разговаривала с ними, они не животные, не фауна!

– Они разумные и подобны нам, – кивнул Энлиль. – И внешне подобны, и по разуму.

– Но тогда...

– Ты говорила, что училась в Институте Души?

– Да.

– Эмми – разум, само собой, важен. Но ты же знаешь, что любой из нас может отличаться талантами от другого. Возможно, кто-то философ, и он умеет умно и логично рассуждать. Другой поэт – он не умеет так умно в споре, но зато его стихи, что называется, берут за душу. Третий художник. А четвертый пилот: философу он покажется глуповатым, поэту тоже – да он рифмы связать не может! А художнику он покажется мазилой, но если он их возьмет в полет – они рискуют намочить штаны! Потому что он летает так, что им страшно. Когда меня на флаере возит мой внук Нинурта – поверь, мне страшно, хотя я и сам неплохой пилот, – усмехнулся

он. – С другой стороны, я понимаю, что в критической ситуации никто не вывезет меня в бою так, как он. Разум и таланты важны, но ключевой критерий – другой.

– И какой же?

– Желания. Психика. Душа. Чего твоя душа желает? Ты сама этим занимаешься в своем институте, но до сих пор у тебя не было возможности сравнить разные расы. Мы создали расу тех, кому будет хорошо и приятно заниматься цветочными клумбами, овцами и шахтами. Не потому, что кому-то приятен тяжелый труд, нет – такой труд никому не в удовольствие. Но мы – свободные, и мы дорожим нашей свободой, и теперь нам нужны те, кому дорого иное. Кому не нужна свобода, кому нужно покровительство нас, как высших. Как высшей расы. И кому приятна будет даже простая и тяжелая работа – пусть не работа сама по себе, но в обмен на покровительство и одобрение высших. За вознаграждение, за нашу милость, за нашу власть над ними. Вот, посмотри, – он потрепал пса по холке. Тот, в ответ, благодарно и преданно посмотрел на него, а затем лизнул его руку языком. – Видишь? Разве ему в тягость его роль? Нет, он счастлив, что у него есть хозяин, он счастлив своей ролью при мне. Вот такую расу мы и вывели. Только разумную.

– То есть, как бы служебную расу?

– Именно.

– Расу рабов?

– Да. Но, Эмми – добровольных рабов. Расу тех, для кого это не в тягость, которым будет приятно покровительство более высокой расы. Тех, для кого это в удовольствие. Повторяю, никто не хочет тяжелой работы, и да, им будет тяжело. Как и нам сейчас. Но зато мои дети скоро будут свободны от такого труда. Мы создали расу тех, кому понравится быть рабом, и кто будет мечтать иметь над собой хозяина. Тех, кто, вскапывая лопатой клумбу для господина, будет получать такое же удовольствие, как ты получала от хороших оценок в институте, или я от военной подготовки, в свое время. Разве учиться – легко? Нет, это труд, и труд нелегкий. Но ты же училась с радостью? Все честно: каждому – свое. Ты видела, как они оба на нас с тобой смотрели? На тебя с интересом, естественно, на меня благодарностью – тоже естественно: да, мы дали им жизнь и заботимся о них. Но еще, мы для них – Энлиль внимательно посмотрел на Эмми – священны. Мы – боги, а они – наши слуги. Верные слуги, преданные слуги. Мадин и Жива знают, что им предстоит на нас работать. Физически трудиться. Хотя потом, когда у них появятся дети, внуки и правнуки – эти двое смогут отдохнуть от такой работы, и будут лишь управлять теми, кто работает. Я не желаю им зла, я просто хочу решить проблему, и решить так, чтобы всем было хорошо. И я дал им жизнь, Эмми. Это – немало.

Эмми снова замолчала, задумавшись. Наконец, ее мысли вернулись к моменту их знакомства у бассейна.

– Эль... А почему они голые?

– Для них это естественно. Пока. Пока они – вообще эксперимент. Не раса еще, и не слуги пока еще, а научный эксперимент. Мне пока нравится так. Когда заберем их к себе, и они начнут трудиться у нас в саду – разумеется, я дам им одежду. А позже, когда станут полноценной расой, тогда у тех, кто будет жить отдельно от нас – не как наши слуги, а как работники в поле или в шахте – у тех будет своя культура. Не наша, а их собственная, какую сами себе создадут. Мы не будем давать им свою, они – не мы. Захотят – будут ходить голыми, климат этой планеты позволяет так круглый год и в любых широтах. Захотят – придумают себе одежду. Но у них будет собственная культура, в том числе и собственная мода на одежду. К слову, за всем этим будет интересно понаблюдать. Это тоже, в своем роде, эксперимент.

Эмми долго обдумывала его слова. Наконец, она спросила:

– Слушай, а раз уж такой необычный эксперимент... Можно я еще пообщаюсь с Живой? Я хочу понять, как она видит этот мир, раз между нашими расами такая разница.

– Не вопрос, Эмми, – улыбнулся Энлиль. – Сколько угодно.

\*\*\*

– Папа... Можно поговорить?

– Конечно. Судя по твоему виду, разговор серьезный?

– Да.

– Ну что же, пойдём, прогуляемся! Заодно поедим этих, как они там называются... "яблок". Очень уж они мне нравятся. Надо будет привезти семена к нам на планету – может, приживутся.

Они вышли в сад, и вскоре нашли среди деревьев яблоню – в этот раз необычную, с маленькими красными плодами, размерами немногим больше вишни. Оба с удовольствием стали есть яблоки, и она рассказала отцу о том, что видела в Эльдене.

– Черт! Не зря мне показалось, что с ним что-то не так! Это же надо было... – Энки потрясенно посмотрел на нее. – Эта идея обсуждалась в свое время, довольно давно – Энлилю не первому она в голову пришла. Я был на том совете патриархов.

– И что?

– Категорический запрет. Если так сделать, то это, конечно, очень удобно. Переложить на расу слуг примитивный труд... Но такие слуги – это по сути рабы, а заимев рабов, мы начнем превращаться... черт знает, в кого. Власть развращает, власть – это зло, Эмми. Вот, у нас есть патриархи, как я и другие. Для меня вы все, включая тебя – младшие, то есть как бы подчиненные. Но вы – свободны! Вы мне подчиняетесь по доброй воле, я не могу что-то приказывать вам или запретить. Я свободен, и вы свободны. А ну-ка, дай-ка мне вон то яблочко, – улыбнулся Энки.

Эмми сорвала яблоко и подала ему.

– Видишь? Я прошу, ты делаешь – но ты не обязана. Ты мне, как и самые младшие, как дальние потомки потомков – добровольные помощники, а не слуги и не рабы. Энлил же хочет власти, власти над себе подобными. Со своими младшими он не может так, и не хочет, и права такого не имеет, он это знает, и они это знают. Сыновья и дочери свободных – свободны. И вот, теперь он решил завести себе рабов... Я не знаю, что делать в этой ситуации. Наши патриархи не могут ему помешать – это его планета. Его род нашел планету и она теперь их, по известному Соглашению. Хотят жить сами – могут, хотят войти в Конфедерацию – войдут, не захотят – их право. А эти двое, которых он тебе показал – не его дети, они его создания! Создания, Эмми! Как та собака, что он тебе показывал. К тому же они не наша раса, и он не случайно добавил в них животные гены – и не случайно он тебе прямо об этом сказал. Он знал, что ты расскажешь мне, а я расскажу нашим патриархам. Он хочет, чтобы у него было право на них – буквально, как на породу! – и чтобы мы, наша Конфедерация, не могли его оспорить. Мы, скорее всего, и не сможем. Я не юрист, я инженер, надо будет консультироваться, но боюсь, что не сможем. Разумеется, я поговорю с Энлилем, но это бесполезно – такое решение не с кондачка ими принималось, и они уже не откажутся от своего выбора... Да уж... Что угодно я ожидал здесь увидеть, но такое!

Они оба, в задумчивости, продолжили есть фрукты.

Вдруг Эмми вздохнула:

– Папа...

– Да?

– Уже не про эту тему... Энлил, он еще сказал такую вещь... И я задумалась теперь...

– О чем?

– Он сказал... про эту расу – что они такие, кому не нужна свобода, что они ее не захотят.

Что им будет нравиться их роль в этом мире.

– Хм, интересно, с чего это он так уверен? Из-за их генов?

– Не знаю... Но я подумала... – Эмми покачала головой, и замолчала.

Отец вопросительно покосился на нее.

– Папа, а скажи... мама по отношению к тебе – свободна?

Энки изумленно приподнял бровь:

– Ну, ничего себе! – покачал он головой. – Ты соотнесла то и другое, да?

Эмми молча опустила глаза.

– Ну и вопросы у тебя, и это в двадцать пять лет? – он усмехнулся. – Знаешь, ты и права, и не права, Эмми. Да, твоя мама по отношению ко мне – в каком-то смысле в том же положении, как ты сейчас ко мне. Пока ты несовершеннолетняя, и ты официально находишься под моей опекой. А когда тебе исполнится тридцать лет – станешь полностью свободной. Но однажды, – он посмотрел на нее с улыбкой, – возможно, тебе захочется потерять свою свободу. Свобода лучше, чем несвобода – но есть одно исключение, когда бывает наоборот, – подмигнул он ей.

– Но тогда, получается, мы... ну то есть, женщины – мы как та раса, которую вывел Энлиль?

– Энлиль не имел в виду тебя, или женщин вообще, поверь. Он тебя этим задел, выходит, но не нарочно, я уверен. Он говорил о другом.

– Но он так сказал, а я потом долго думала...

– Эмми, я твой отец. Тебе нужно мое покровительство? Ты хочешь, чтобы я о тебе заботился и тебя защищал? Ты хочешь, чтобы у тебя однажды появился муж, который будет по отношению к тебе – так же?

Эмми замолчала. Наконец, с некоторым усилием, она произнесла:

– Да.

– Это покровительство из любви, Эмми. Это не мое возвышение над тобой. Муж не выше жены, просто у них разные роли. Ты – моя дочь, и с момента совершеннолетия, с тридцати лет, ты станешь окончательно свободна. До тех пор, пока не выйдешь замуж – и тогда снова потеряешь свободу, это верно, и потеряешь добровольно, по собственному желанию. Но и твой парень тоже ее потеряет. Роли, о которых я говорю – это не обязательные роли, это – не долг.

Энки ненадолго задумался.

– Вот, смотри, Энлиль возил тебя на своем флаере, так?

– Так.

Когда ты вступала на аппарель, входя или выходя из машины, он подавал тебе руку?

– Да.

– Скажи мне, ты можешь сама, без посторонней помощи, сесть во флаер? Можешь? Но тебе ведь приятно, что тебе, как женщине, мужчина символически помогает? Тебе нравится такая роль, женская? Видишь? А ему, поверь, приятна его мужская роль. Не только по отношению к тебе лично. Он и своей дочери так же подал бы руку – заметь, я подаю ее в таких ситуациях не только твоей маме, но и тебе. Или вот, еще пример – мы с тобой и с Энлилем вчера пили вино. И разве ты его сама себе наливала? Нет, его наливал тебе Энлиль, а не будь его, как хозяина дома – я тебе наливал бы. Почему так? Разве ты не в состоянии сама себе налить вино? Вполне в состоянии, но – как приятнее? Тебе, как девушке, приятно, что мужчина наливает тебе вино? Ты чувствуешь себя женщиной, когда видишь, что мужчина так к тебе относится. А мужчина ощущает себя мужчиной, когда наливает вино женщине, – улыбнулся Энки. – Это совершенно не обязательные роли, но очень уж приятные, согласись. Так же и с покровительством – это не потому, что ты несамостоятельная или не свободная. Это всего лишь ролевая игра, но именно ради этой игры люди и сходятся в пары. Знаешь, как магниты – если их одинаковыми полюсами сводить, то они расталкиваются. Двое мужчин не будут жить вместе, какими бы близкими друзьями они не были. А если разные полюса – то магниты притягиваются, и слипаются вместе в один магнит. Так и пары. Разные полюса, разные роли – но

взаимно приятные. И тут нечего стесняться. Можешь сама себе налить вино? Можешь. Но – не в моей компании, понятно? – улыбнулся Энки.

Эмми тоже улыбнулась.

– Свобода лучше, чем несвобода, Эмми, – повторил он. – Люди не должны принадлежать людям, как собственность. Но бывают исключения, Эмми, когда человеку хочется принадлежать кому-то, и чтобы другой человек ему тоже принадлежал. Но это не односторонняя принадлежность, не рабство. А взаимная. Что же до Энлиля... К тебе он, повторяю, совсем не так. И к своим младшим он не так. Год в шахте, добровольно... – Энки покачал головой. – Но в отношении этих двоих и их расы – они для него рабы, над ними он готов иметь власть, пользуясь их слабостями. Для меня это не так – я считаю, что мы должны помогать тем, кто младше и слабее. Мне теперь даже кажется, что он улетел тогда с нашей планеты не только из-за ссоры с патриархами. Но и чтобы быть где-то самым главным. А теперь и те, кто младше его, вместе с ним, тоже захотели иметь власть над кем-нибудь. Они имели на нашей планете свободу, и здесь тоже, эту планету у них никто не отнимет. Но им нужна не свобода, а власть – а значит, нужны рабы. Просто они еще не поняли главного.

– Чего?

– Они хотят служебную расу, то есть хотят рабов – ради их труда. Но скоро они поймут и еще кое-что: что власть над ними ценна сама по себе.

– И что теперь делать?

– Повторю – я понятия не имею! Скорее всего, мы ничего не сможем. Не войну же начинать, это немислимо! И это по праву их планета, они здесь все сами решают.

Энки резким движением сорвал с ветки еще одно яблочко и со всей силы бросил его. Эмми всего поражалась, насколько сильно и далеко он бросает. Вот и сейчас яблочко, со свистом разрезав воздух, скрылось где-то далеко за кронами деревьев.

– Но ты же сам сказал, что патриархи тогда решили...

– Эмми, запрет патриархов – это родительский запрет. А родительский запрет действует буквально, именно как запрет – только до совершеннолетия. Для тебя мой запрет действует, таким вот образом, еще пять лет, а дальше – уже не так. Дальше если хочешь – можешь мое слово нарушить, ты свободна. Поэтому я тебе постараюсь никогда ничего не запрещать – чтобы тебе не приходилось меня слушаться, – подмигнул он ей. – А тут у них еще и своя планета, своя звезда. Им теперь никто не указ.

Эмми с задумчивым видом сорвала еще яблочко.

– Ладно, пойдем в дом. Постарайся побольше общаться с этими двумя, хотя бы с девушкой. Надо понять, кто они и что они, и прав ли Энлиль, что действительно вывел расу прирожденных рабов... С чего он так уверен, что у него это получилось? Черт! – он вдруг резко остановился.

– Что такое?

– Эмми, а ведь он создал не бессмертных!

– Что?!

– Эмми, я не знаю этого достоверно, но вот к гадалке не ходи – он вывел смертную расу!

– Смертную? Потому что гены животных?

– Да, вероятно, но это само по себе поправимо, мы же давно открыли технологию – глоток нектара и все... Но он им не даст этого глотка, уж поверь. Иначе получится, что он вывел расу конкурентов. Нет, он им не даст.

– Я... я могу тайком пронести и дать им.

– Бесполезно, они создадут новых... Кстати, и я бы на его месте не дал – кто знает, что за раса получилась... Мы уже сотни тысяч лет живем мирно, пусть и не без ссор, но мирно, вся Конфедерация, а тут? Это животное начало... Ох, ну и заварили же они кашу, Эмми!

\*\*\*

– Эль, а можно мне сегодня слетать к Живе?

– Конечно, я же тебе говорил, – улыбнулся тот. – У тебя есть флаер?

– У отца есть, он мне даст.

– Бери мой, сейчас вызову, – он потянулся за коммуникатором. – Хотя... Погоди-ка.

Энлиль немного покопался в меню, а затем показал ей на посадочную площадку за окном.

Там плавно опускался на землю небольшой флаер, но не золотой, а из алого металла, похожего на блестящую ртуть – только красную, а не серебристую. И удивительно изящной формы.

– Забирай. Насовсем забирай, потом с собой на корабль возьмете. Маленький подарок тебе от меня.

– Спасибо! – смутилась Эмми. – Он очень красивый...

– Не за что. Ты мой гость. Тут у меня один из младших – гений промышленного дизайна. На флаерах и специализируется. К нему очередь, за подобной красотой – уже лет на сто, наверное. А этот он для меня в подарок сделал. Ну а я тебе дарю!

– И ему тогда большое спасибо, – Эмми с удовольствием глядела на стильные, и при этом лаконичные формы машины. – У него действительно талант!

Энлиль, видя ее восхищение, с довольным видом кивнул.

– Но, Эмми... помнишь, что я тебе сказал про культуру? Вы с Живой девчонки, вам будет, о чем поболтать, но не передавай ей наши знания и нашу культуру. Запомни, мы для них – боги. Понятно? Конфет можешь ей привезти. И что захочешь еще – что сама захочешь, или что они попросят. Все, что нужно – спрашивай, я им дам. Но не уравнивай их с собой и с нами, понятно?

\*\*\*

– Привет, Жива! Привет, Мадин!

– Привет, Эммануэль! – парень с девушкой поклонились ей.

– Жива, а можно с тобой немного поболтать? Мадин, ты не против, если я уведу у тебя Живу на часок-другой? – улыбнулась Эмми.

Они отправились вдвоем по аллее, в рощу. Эта аллея была не вымощена, а просто засыпана небольшими цветными камешками, которые приятно хрустели под ногами. Эмми спросила:

– Как вам тут живется?

– Хорошо, – застенчиво улыбнулась та. – Энлиль, и другие боги – они о нас всегда заботятся. Нам с Мудином здесь очень хорошо.

– А ты была еще где-нибудь?

– Нет. Энлиль обещал нас куда-нибудь свозить, мы его спрашивали, но он сказал, что позже, когда у него будет время. А выйти отсюда сами мы не можем.

– Он вам запретил?

– Нет, тут ниже по склону горы есть ворота в стене, мы можем их открыть. Но он сказал, что там водятся очень опасные звери, и нас сразу же съедят. Он даже говорил, что тут водятся огромные хищные птицы, крылатые ящеры, и что над этим местом, – она подняла голову к небу, – постоянно висит летающий корабль с огненным оружием, чтобы такая птица не прилетела и нас не утащила.

– Энлиль сказал вам правду. Я летала по планете, видела много зверей, и почти все они очень опасные. Вам действительно не следует выходить за ворота, ни в коем случае, – серьезно кивнула она Живе.

Они свернули с аллеи в рощу, чтобы полакомиться фруктами. Вдруг, мимо них по траве прошуршал какой-то маленький шустрый зверек. Почти наткнувшись на них, он замер и мгновенно свернулся в клубок. Весь он был покрыт тоненькими иголками, и теперь превратился в этакий колючий шар.

– Ух ты, какой милый, – удивилась Эмми, – никогда такого не видела!

– Это елжик. Кстати, его придумали боги. Кто-то из детей Энлиля. Они его создали. Как нас.

– Надо же! А кто его так назвал?

– Это Мадин придумал.

– ЕЛ-ЖИ... «Стоять»... Нет, «торчать», да? Иголки же у него торчат во все стороны... И «живой»? Живой торчунчик? – рассмеялась Эмми.

– Да, – Жива тоже рассмеялась. – Он так и сказал мне, я тоже смеялась. Эммануэль, а какие там, снаружи, звери? Расскажешь?

– Конечно. Вон беседка, видишь? Пойдем, присядем, я тебе нарисую.

Они отправились к беседке. Жива по пути робко, но явно завистливо покосилась на золотую цепочку на ее шее. Эмми заметила это, вытащила цепочку из разреза платья и показала Живе.

– Вот, смотри, – улыбнулась она.

– Это золотое, как корабль Энлиля?

– Да, золотое. Это змейка, видишь? Наш фамильный герб. Папа очень умный, у нас на планете его все знают, так что даже в поговорку вошло: «мудрый, как тот Змей».

Дойдя до беседки, рядом с которой росло могучее, раскидистое дерево, они уселись на мраморную скамейку. Полированный камень был приятно прохладен после жары. Эмми достала из сумочки маленький блокнот и ручку. Жива неожиданно вздрогнула, увидев перед собой блокнот.

– Что такое, Жива?

– Это... это ведь... «книга»?

– Нет, не книга. Вот, смотри, видишь – чистые листочки. А в книге – буквы. Я тебе сейчас на этих листочках нарисую.

Эмми изобразила ящера, стоящего на двух могучих ногах, с толстым хвостом и зубастой пастью, и с крошечными передними лапами перед грудью. При этом она заметила, что Жива пытается, будто бы, отодвинуться от блокнота, хотя ей и интересно, что она рисует.

– Вот, смотри. Он очень страшный вживую, особенно если вблизи смотреть. Мы на флэере подлетали поближе к такому. А вот, смотри, такие вот ты или я, по сравнению с ним, – Эмми нарисовала маленькую фигурку человечка рядом с ящером.

– Ужас какой! – Жива широко раскрыла глаза, глядя на рисунок.

– Да, он реально ужасный. А как он жутко ревет, ты бы слышала!

Эмми убрала блокнотик в сумочку и дружелюбно улыбнулась Живе. У той уже почти прошла робость перед ней.

– А ты и правда прилетела с другой звезды? Как это – летать между звездами?

– Это удивительно красиво! Но лететь очень долго, много лет, поэтому почти все время мы спим. Просыпаемся только перед прилетом.

– Вы спите подряд много лет?!

– Да. Есть... есть специальные устройства и специальные лекарства. Ложишься в особую... воду, как в ванную, только с головой. Но не задыхаешься, а спишь. Просыпаешься, когда уже прилетел. Можно и не спать, но подряд много лет в корабле очень скучно. Я, когда летела – а я раньше никуда не летала – первые несколько месяцев прожила так, одна, когда остальные уже спали. Но потом мне надоело одной жить и книжки в тишине читать, и я тоже залезла в такую воду и уснула.

Жива покачала головой, пытаясь переварить услышанное.

– Скажи, Жива, а почему ты так испугалась, когда подумала, что это книга? – спросила Эмми. И увидела, как та снова слегка побледнела, покосившись на ее сумочку.

– Нам нельзя к этому прикасаться. К «книгам». Это священное, только богам можно. Если я или Мадин притронемся к этому, то умрем.

Теперь настал черед удивиться Эмми. Она ошарашенно посмотрела на Живу, и надолго задумалась, вспоминая слова Энлиля. Наконец, она решилась и, глядя Живе прямо в глаза, тихо и медленно произнесла:

– Нет, вы не умрете. Вы сами станете как боги. И будете все знать... и добро и, – она вздохнула, – зло. Как мы.

– Как боги... – в ужасе прошептала та.

– Да, Жива. И однажды сможете строить такие же корабли, как у нас. И летать на небо, к звездам.

Жива в страхе, расширившимися глазами, смотрела на нее, а затем перевела взгляд на ее сумочку. Эмми вдруг поняла, что та восприняла ее слова магически – мол, если только притронуться к книге...

– Это похоже на дерево, Жива. Вон там, видишь, какое большое дерево растет? Наука – как это дерево. И плоды этого дерева дают знания.

– На-у-ка... – Жива медленно произнесла слово, как будто пробуя его на вкус.

– Да, наука. Как дерево растет от корней, от земли, так и учиться нужно с самого начала, с самых простых вещей. Потом еще долго нужно расти, а потом, если тебе хочется совсем уж много знать – то всей науки все равно не постичь, и тогда уже нужно выбирать свою ветвь, потому что там уже то, что называется специализацией. У нас есть наука и я, – Эмми окончательно решилась, – я могу с тобой поделиться ее плодами. Дающими то, что от вас скрывают. Скрывают, чтобы вы не дотянулись однажды до небес, чтобы небо принадлежало только им. Хочешь, я тебя немного чему-нибудь научу? Тем самым корням, пока?

Жива замерла, сидя не жива, не мертва. Эмми наблюдала за ней с интересом.

– Хочу! – выдохнула, наконец, она, с ужасом в глазах еще раз посмотрев в небо.

– Это не быстро, учиться долго и трудно, но и очень интересно. А Энлиль разрешил мне к вам прилетать, когда я хочу, – усмехнулась она. – Я буду учить тебя, а ты потом – Мадина. Только Энлилю не говори. А то и правда, умрешь...

\*\*\*

– Энлиль, а можно мне... У нас здесь нет такого с собой, можно у тебя попросить?

– Все, что угодно, Эмми, – улыбнулся он ей.

– Для Мадина и особенно для Живы. Ей так понравилась моя цепочка, – Эмми прикоснулась к скромному украшению на шее.

– Эмми, ты молодец! Я совсем не подумал... Извини, занят был, последние годы почти времени на них нет... Эмми, сколько угодно. Поговори с Иннаной, она найдет кого-то из младших, кто украшениями занимается. Пусть бусы им сделают, браслеты там... О, кстати! У меня же один из парней цветным стеклом увлекается – для него такие бусы сделать ничего не стоит, наоборот, ему только в удовольствие. Да у него, небось, и запас готовых есть – многим нашим девчонкам такие нравятся. Он и тебе подарит наверняка – у него талант, порой удивительные вещицы из хрусталя делает.

\*\*\*

– Энки, Эмми! – с торжествующим видом произнес Энлиль, – я вас и весь ваш экипаж приглашаю сегодня вечером.

– Куда? – с любопытством спросила Эмми.

– Мы вчера завершили работу над садом на Дереве.

– А почему вечером?

– В первый раз на это надо смотреть ночью. Приходите сюда на самом закате, нам потом лететь около часа – как раз стемнеет.

– Можете снять повязки, – хитрым голосом произнес Энлиль. Сюда он их привел, держа обоих под руки, с завязанными глазами.

Эмми сняла повязку. Она стояла у изящных, медных с прозеленью, как будто бы старинных перил – и на краю пропасти. Далеко внизу виднелась земля, покрытая лесом, будто мхом, и неярко освещенная Деревом, как гигантской лампой. Холмы отсюда казались мохнатыми кочками. А вокруг нее, со всех сторон – снизу, сверху, сбоку – в ночной тьме светились шишки Дерева. Огромные, в рост человека, отсюда они выглядели крошечными огоньками, как звезды. Ощущение было, как будто она вышла в открытый космос – в одном лишь летнем платье.

– Невероятно, да? – спросил у них Энлиль – с таким довольным видом, как будто он лично посадил это Дерево.

– Держите, – он передал ей с отцом по бокалу шампанского. – За этот дивный мир!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.